

29 ЯНВ 1985

Тодоровский //

1985

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ПИСЬМА

И НАСТУПИЛ
ПОБЕДНЫЙ 45-Й

Оглушенные тишиной

...Фазтоны, велосипеды, коляски, лошадиные морды, украшенные разноцветными лентами, машины самых невероятных марок и люди — ликующий поток — освобожденная Европа разрезается по домам!

Над многоязыкой толпой повисли любимые мелодии тех лет: «Катюша», «Огонек», «Роза-мунда», «Набачок»...

Это было сорок лет тому назад.

Точно я уже не помню, как объявили нам о капитуляции фашистов. Помню только грядки, усыпанные майской клубникой, присядешь — в глазах рябит и Сережкины ноги... Сережка Иванов упал в траву, стянул сапоги, портянки отшвырнул подальше, сложил руки на груди и, не размыкая глаз, промывал: «Все!». Через минуту он храпел, как черт полосатый, и от каждого вздоха позвякивали медали на его груди...

Я не спал. И не потому, что думал о чем-то особен-

ном. Нет, просто лежал и смотрел на Сережкины ноги, торчавшие из густой травы.

Потом на его большой палец села бабочка, на самый что ни есть кончик — уселась себе и сидит. Прозрачное, невесомое существо. Сложила, понимаешь, крылышки и восседает на пальце самого победителя, как на троне!.. И что хорошего нашла она в Сережкином пальце, еще не остывшем от горячих походов, не отогревшимся от лютых холодов?! Серега всхлипнул во сне, мотылек вспорхнул, покружился и... снова уселся на тот же палец... Надо же!..

Где-то за высокой травой безостановочно ныла трехрядка, ржали уже спутанные кони, а высоко в небе повисли труба, баритон и барабан — это наши дивизионные духовики с утра никак не уймутся...

Мы орали и безостановочно пуляли в небо, пока не опорожнили магазины наших автоматов — война кончилась!

А когда комдив предложил почтить память погибших минутой молчания, наши дудари неожиданно заиграли «На сонках Маньчжурни!» И от этого вальса мурашки пошли по коже...

Генерал стоял на полуторке с обнаженной головой, устремив взгляд в свою войну, и неудержимые слезы катились по глубоким складкам его лица. Какое у него было личное горе, мы не знали. Но оно было...

А через неделю к нам, на восточный берег Эльбы, приехали союзники: американские солдаты и офицеры. На окраине маленького городка Иерихова, где стояла наша часть, уже были вкопаны скамейки, деревья покрашены в белый цвет и обкручены алыми лентами. После парада, вручения орденов и медалей на зеленом пустыре состоялся концерт.

Капитан Зозуля — любимый солдат и офицеров — на фоне Страдного оркестра Первого

Белорусского фронта, в фартуке из полотенца, в соломенной шляпе, с ведром на локте пел куплеты водовоза из кинофильма «Волга-Волга». «Удивительный вопрос, почему я водовоз?» — он двигался по «сцене», пританцовывая в такт музыке.

Огромное пространство перед эстрадой было заполнено людьми. В первых рядах — офицеры и генералы, дальше, как бы образуя живую стену, — толпа солдат на грузовиках, танках, орудийных лафетах... Над поляной сизый дым и голос Зозули: ...«Заседаем — воду пьем...» Его лицо принимает коварное выражение: ...«Отдыхаем — воду льем!..».

Капитан замахивается и льет воду из ведра прямо в «зал»! Это старый, испытанный в многочисленных выступлениях прием, который уже ждут солдаты. Но сегодня Зозуля, перевозбужденный и несколько подвыпивший, не рассчитал, и струя

воды летит в гущу генералов, на первые ряды, на головы союзников...

Наступает зловещая пауза! Но вот командующий нашей сорок седьмой армией генерал Перхорович извлекает из кармана белоснежный носовой платок, вытирает сверкающий на солнце череп и вдруг:

— Браво, Зозуля! — и рукоплещет ему.

Грохот аплодисментов долго не смолкает над поляной.

День Победы! Наш самый, самый праздник. Самый великий и мы его не вспоминаем, а помним!!! Потому, что он был оплачен дорогой ценой, потому, что мы отстояли себя. Потому, что это наша молодость и наша гордость.

Это вечная память моему старшему брату, погибшему в сорок первом под Киевом, это вечная память моему другу лейтенанту Юрию Никитину, погибшему в 1944 году под Штетинном-на-Одере...

Петр ТОДОРОВСКИЙ,
заслуженный деятель
искусств УССР,
кинорежиссер.

231